

читателя, однако она не может отразить все особенности написания оригинала (хотя катакана дополнена значками, указывающими на некоторые особенности, не переводимые на катакану, прежде всего редукцию гласных и ударение, если оно есть в оригинале); отсутствие русской транскрипции Гондзы представляет собой единственный серьезный недостаток этого ценного издания. В четвертой колонке переводы Гондзы переводятся на литературный японский язык, эти переводы расходятся с переводами русских слов во второй колонке. К изданию приложен словарь переводов Гондзы в порядке русского алфавита, также записанных катаканой.

Рецензируемое издание вводит в научный оборот ценный источник по русскому языку и японским диалектам XVIII в.,

расширяет наши знания о ранних контактах между народами России и Японии. Его выход в свет — важное событие в развитии советско-японских научных связей.

Алпатов В. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Порива :нофу* Е. Д. Нихонго-кэнкю: (Изучение японского языка). Токио, 1976.
2. *Бартольд В. В.* Обзор деятельности факультета восточных языков. — В кн.: Академик В. В. Бартольд. Соч. Т. IX. М., 1977, с. 36—38.
3. «Лексикон» русско-японский Андрея Татарянова. М., 1962.
4. *Кобленц И. Н.* Андрей Иванович Богданов. М., 1958.

Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. — М.: Наука. 1984. 230 с.

Рецензируемая монография — одно из крупных исследований по тюркской лексикологии, где подводятся итог многолетним поискам в области лексики отдельных тюркских языков и рассматривается ряд общих вопросов, традиционно представленных в диахронических и этимологических трудах. Это структура и семантика корня, отношение лексики древних и средневековых памятников к современному тюркским языкам, контакты тюркских языков с различными языками мира, алтайская гипотеза. Большое внимание уделено и таким нетрадиционным и слабо разработанным проблемам, как лексико-семантическая дифференциация и интеграция тюркских языков, их взаимодействие на уровне литературной и диалектальной лексики. Значительное место отводится также вопросам развития лексики тюркских языков в советскую эпоху, топонимике и антропонимике.

Многолетний опыт исследователя-лексиколога [1], а также теоретическое осмысление фактов ряда современных тюркских языков дали возможность автору не только суммировать и обобщить разрозненные, а порою и противоречивые высказывания предшественников, но и изложить собственные суждения о сложном историческом процессе развития лексики этих языков, наметить перспективу дальнейших разысканий. Примечательно и то, что к исследованию привлечен огромный фактический материал не только живых и мертвых тюркских языков, но и монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, самодийских, каргвель-

ских, дравидийских, семитских и индоевропейских, что представляет тюркский языковой мир во всей полноте и во всех сферах его взаимовлияний с языками сопредельных регионов.

Книга состоит из небольшого введения и 10 глав, в которых рассматривается ряд проблем и вопросов, связанных между собой общей идеей. Во введении отмечается, что еще далеко от завершения работы по сбору и систематизации лексического богатства многих тюркских языков, публикации и интерпретации лексики письменных памятников, недостаточно разработаны эффективные методы исследований. Но то, что уже сделано в трудах ряда поколений тюркологов и в собственных исследованиях К. М. Мусаева, достаточно, чтобы убедиться в реальности построения тюркской лексикологии как самостоятельной дисциплины. Это становится возможным также благодаря близости тезауруса базисной лексики и грамматического строя тюркских языков, общности тенденций их развития, чего нельзя наблюдать в индоевропейской или финно-угорской лексикологии.

Интересны мысли автора и относительно классификации тюркских языков. Из всех существующих классификаций он избрал, как нам думается, самую рациональную, в которой языковые особенности максимально коррелируют с ареальным принципом — с расселением носителей тех или иных языков на огромном пространстве тюркской ойкумены. Сравнительное исследование лексики тюркских языков привело ученого к выводу,

что «в лексическом и семантическом отношении существует обширная центральная группа, куда входят главным образом кыпчакские языки в разных ситуациях с охватом юго-западных (огузских), южных (среднеазиатских, карлукских), восточных (сибирских) тюркских языков, т. е. существует как бы группа-ядро, расположенная географически в центре тюркских языков, которая контактирует с другими тюркскими языками, расположенными по краям этой группы» (с. 32). В дальнейшем автор пытается установить более или менее строгие критерии различия упоминаемых групп по лексико-семантическим признакам и провести дифференциацию языков внутри групп, что приобретает существенное значение для углубленных лексикологических и семасиологических штудий. Так, произведенное исследователем деление кыпчакских языков на северную, восточную и западную группы (с. 202) используется для разработки совершенно новой тюркологической дисциплины — сравнительного кыпчаковедения, — основоположником которой можно по праву считать автора рецензируемой книги. К. М. Мусаев справедливо отмечает, что изучение процесса лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков имеет большое значение не только для тюркологии и в целом алтаистики, но и «для финно-угроведения, славистики, праиндистики и т. д., объекты исследования которых имели непосредственные контакты с тюркскими языками» (с. 32).

В разделе, посвященном этимологическим исследованиям, дается детальный анализ четырех этимологических словарей общетюркского охвата — Г. Вамбери, М. Рясняна, Дж. Кюсона и Э. В. Севортына, рассматриваются достоинства и недостатки каждого из них, отмечается их значение для дальнейшего развития этимологических поисков. Некоторые замечания представляют интерес не только для тюркской, но и для общей этимологии, например, о различении задач этимологического словаря семьи или группы родственных языков и отдельного языка (с. 110), о необходимости включения в этимологические словари знаменательных частей речи (с. 112—113) и др. Автор рассматривает такие важные вопросы, как состав словника этимологических словарей, способы подачи дериватов, форма заглавного слова (например, у М. Рясняна — тюркская сравнительная лексика, у Дж. Кюсона — древнетюркские слова, у Э. В. Севортына — преимущественно слова юго-западной группы тюркских языков т. д.), и в свою очередь выдвигает задачу создания третьего вида этимологического словаря (кроме общетюркских и словарей отдельных тюркских языков) —

регионального. Что же касается конкретных этимологий, то они щедро рассыпаны по страницам книги К. М. Мусаева, хотя среди них встречаются и спорные. Например: сближение там. *teu* «тело», тюрк. *boy* «рост», хак. *ros* «сам» и англ. *body* «тело» (с. 152); возведение к тюркскому этимону кавказских и общеславянских наименований саней (с. 154); поддержка марровской этимологии: абх. *â-law-a*, русск. *лошадь*, чуваш. *лаша* — *лажа* и нем. *Ross* «конь» (с. 155) и др.

Определенное место отводит автор анализу глагольно-именной омонимии — явлению, распространенному в тюркских языках. В тюркологии укрепились мнение, согласно которому существуют синкретичные корни двух типов — первичные, восходящие к ранней эпохе нерасчлененности частей речи, и вторичные, образовавшиеся в результате позднейших морфологических процессов — конверсии, переразложения, опрощения, осложения, выравнивания производных форм (из новейших работ см. [2]). Исследователи, признающие наличие первичных синкретичных корней, неизбежно приходят к выводу о том, что многие тюркские корни являются самостоятельными словами и что число таких слов по мере углубления в предшествующие периоды развития языков увеличивается. Но К. М. Мусаев не поддерживает идею первичного синкретизма и потому отрицает лексическую самостоятельность тюркского корня (с. 99).

Один из разделов главы, посвященной контактам тюркских языков с другими языками мира, называется «Некоторые особенности общеалтайских синкретичных корней» (с. 142—147), но алтайский синкретизм рассматривается только в части этого раздела (с. 143—145), остальная часть трактует проблему лексики, общей для тюркских, монгольских, а также тунгусо-маньчжурских языков в целом. И здесь к фактам алтайского синкретизма автор относит тунг.-маньч. *аңа* «насть» и казах. *аңғай* «разинья»; тюрк. *аз* «мало, немного», казах. *эрең* «два-два», монг. *арай*, тунг. *аран* «два» (с. 143—144). Сюда же можно было бы отнести и уйг. *аран* «сле, два». Признается, в частности, алтайский характер синкретизма корня *бар*: *бар- «быть», *бар* «сущее, имеющеееся налицо» (с. 144), хотя автор весьма скептически относится как к мнению о наличии первичных синкретичных корней в общеалтайском, так и к идее алтайской языковой общности в целом.

Придавая большое значение древним контактам тюркских языков с другими родственными и неродственными языками, К. М. Мусаев все же с большим сомнением трактует возможность генетиче-

ских связей тюркских языков в урало-алтайских и нестратических масштабах. Именно поэтому подобного рода связи рассматриваются автором в специальной главе «Контакты тюркских языков с другими языками мира» (с. 119—162), что, естественно, снимает возможную научную полемику на эту тему. Общность тюркских и иберийско-кавказских языков в названиях зуба и руки, в формах личного местоимения 1-го лица и указательного местоимения, в звучании отрицательной частицы — все это и многое другое автор склонен объяснять только древними контактами (с. 160—161). «Также проблематичным остается генетическое родство алтайских языков с японским, несмотря на то, что еще в XIX в. было „доказано“ это родство», — пишет автор (с. 124). Новейшие изыскания в этой области, как явствует из указанной цитаты, игнорируются.

О развитии лексики тюркских языков написано немало научных трудов как в отечественной, советской, так и зарубежной тюркологии. Тем не менее в книге К. М. Мусаева мы находим целый ряд интересных сведений и свежих мыслей, подкрепленных конкретными примерами из тюркских (преимущественно из казахского) языков, в которых читатель легко обнаруживает общетюркские черты, идет ли речь о приобретении словом нового значения (ср. казах. *муше* «часть тела; член организации, коллектива»), архаизации отдельных слов и словосочетаний в советскую эпоху (ср. казах. *кызыл әскер* «красноармеец») или о смысловой дифференциации преимущественно в заимствованных словах [ср. казах. *екімет* «власть», *Үкімет* «правительство», казах. *оқиға* «событие (крупное)» и *уақиға* «происшествие»].

Весьма содержательны сведения о кальках и заимствованиях из русского языка, об экспрессивной роли русских вкрапленных в тюркскую речь (с. 180), о путях становления терминологии тюркских языков. Автор выделяет три основных этапа в развитии лексики литературных тюркских языков Советского Союза (1917—1941 гг., 1941—1960 гг., после 1960 г.).

Мы уже упоминали о том, что труд К. М. Мусаева поражает обилием и разнообразием материала, привлеченного из тюркских литературных языков и диалектов, из древних памятников тюркской письменности, из языков других семей. На этом фоне особенно заметно редкое обращение к богатейшему зарубежному тюркскому языку — турецкому, — на котором говорит ныне около 40 млн. человек. Ввиду этого книга не имеет надлежащей социально-лингвистической ориентации. Она неизбежно усилилась бы, если бы развитие лексики тюркских язы-

ков Советского Союза (с. 162—181) было сопоставлено с развитием турецкого языка. Было бы весьма поучительно соотнести различные источники обогащения лексики (русский язык — в тюркских языках СССР, французский и английский — в турецком языке), рассмотреть зависимость развития лексических систем от общественного устройства: социалистического — в нашей стране, капиталистического — в Турции, дать оценку пуристическим тенденциям в официальных турецких кругах, ведающих культурой и просвещением (см. [3]) и мн. др.

Надо сказать, что монографическая работа К. М. Мусаева не лишена некоторых недостатков, неточностей и опечаток.

Так, в главе «Лексика диалектов в ее отношении к языкам» автор пишет, что диалекты, как правило, образуются в результате распада общенародного языка (с. 46). Между тем это — только один из возможных путей (причем не самый частый) возникновения диалектов. Достаточно вспомнить об объединении северных и южных диалектов при образовании современного немецкого языка, карлукских, огузских и кыпчакских диалектов в составе узбекского языка и т. д. Случай, когда «народ, говорящий на своем диалекте в быту, пользуется литературным языком другого народа», не «редки», — как утверждает автор (с. 49), — а довольно часты. Так, карелы пользуются финским литературным языком, носители прапалейских языков Памира — таджикским литературным языком, носители южнобережного диалекта крымскотатарского языка (огузского) — литературным крымскотатарским (кыпчакским) языком и т. д.

Несаяно также, почему принятие европейского календаря должно повлечь за собой утрату старых названий дней недели, заимствованных из персидского языка? (с. 168); почему казах. *Улығ* «господин», *би* «судья, урядник», *ояз* «начальник уезда» и мн. др. (с. 168 и сл.) являются архаизмами, а не терминами?

«Непроизводные топонимы-исторны» — читаем мы на с. 188, — в языке встречается сравнительно мало. Большинство из них закрепились уже не как топонимы, а как топонимические термины, например *су* «вода, река», *тау* // *тау* «гора», *көл* // *гөл* «озеро» и т. д. Из этого явствует, что *су*, *тау*, *көл* некогда были топонимами, что вряд ли соответствует действительности.

В книге встречаются и тривиальные, избыточные суждения, например, о том, что лексическое смешение тюркских языков происходит на стыке языков и, преимущественно, их диалектов (с. 35); о том, что изолированному диалекту, как

и общенародному и литературному языку, «присущи такие явления, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, архаизация, неологизмы, разные типы фразеологических устойчивых словосочетаний...» (с. 39) и др.

Желая подчеркнуть близость тюркских языков в лексическом отношении, автор пишет, что «фонетическое отклонение наблюдается лишь в некоторых языках» (с. 18; см. также с. 25, 34, 39 и др.). Но стоит ли неоднократно напоминать о бесспорных фонетических соответствиях только для того, чтобы повторить, что казах. *алма*, узб. *олма*, турецк. *elma* «яблоко» (с. 18) представляют одну лексему, или такие слова, как *айақ* «нога», *ат* «лошадь», *баш* «голова» (с. 39) являются общетюркскими?

Отметим также некоторые неточности и опечатки, особенно досадные в лингвистической работе. Так, в главе «Структура и семантика корня» (с. 82—104) при описании структурных разновидностей корней типа ГС автор допускает смешение примеров разного порядка: некоторые из них при «Г + сонантах»: *u : p // *er // ėr // ėr* «мужчина, муж, герой» (с. 94) повторяются также и при «Г + смычных»: *er // *ėr // er // ėr* «мужчина» (с. 95) и др. На с. 91 мы читаем: «с аффиксальными нарушениями» вм. «наращениями», на с. 153 — «индоевропейцами» вм. «индоевропейцами», на с. 206 — «родители-казаки» вм. «родители-казахи», на с. 125 — опечатка в названии цитируемой книги: «Атлантика» вм. «Алтантика». Встречаются в книге и фразы, не совсем удачные в стилистическом отношении, например «...с другой стороны, нельзя отрицать сильное влияние на чувашский язык и быт татарского быта и, вообще, татарских языков и тюркской культуры на чувашскую культуру и быт» (с. 206). На с. 219: «...имя Борис было заимствовано славянами из разных диа-

лектов в формах: *Боришь, Борисъ, Бориль...*». В статье И. Г. Добродомова, на которую ссылается автор, написано: «...имя *Борисъ* было трижды заимствовано славянами из разных древних болгарских диалектов: *Борисъ, Боришь, Бориль...*» [4]. В разделе «Антропонимика» (на с. 211) замечены неточности в переводе ряда имен. Автор пишет: *Азизи* «Почетный, Снятой», надо — *Азиз* «сильный, могущественный, дорогой»; имя *Аббас* переведено «лев» вм. правильного «хмурый, суровый», имя *Мухаммад* — «самый прославленный» вм. «хвалимый, достойный восхваления»; *Азим / Асим* не варианты одного и того же антропонима, а два самостоятельных имени, образованных от разных корней с разными значениями: «великий» и «защищающий», и др.

Однако, несмотря на указанные недостатки, еще раз отметим: монографическое исследование К. М. Мусаева «Лексикология тюркских языков» является весомым вкладом в советскую тюркологическую науку.

Кайдаров А. Т., Копыленко М. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.
2. Гаркавец О. М. Тенденції розвитку первинного дієприслівника на -А в тюркських мовах на Україні. — Мовознавство, 1985, № 1.
3. Конанов А. Н. Реорганизация турецкого лингвистического общества. Новое научное общество. — СТ, 1984, № 3, с. 75 и сл.
4. Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянскую антропонимику. — В кн.: Антропонимика. М., 1970, с. 236.

Бумахов М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. — Нальчик: Эльбрус, 1984. 326 т.

Последний период развития лингвистики характеризуется заметным расширением круга языков, привлекаемых в целях общелингвистических обобщений. В этом отношении показательна рецензируемая книга, построенная на материале западнокавказских языков, характеризующихся чрезвычайно высокой степенью синтеза.

Западнокавказские (абхазско-адыгские) языки, относящиеся к наиболее типич-

ным представителям языков эргативного строя, характеризуются целым рядом структурных черт, проливающих свет на историю становления эргативного падежа и эргативной конструкции предложения. Так, в абхазском и абазинском языках субъектно-объектные отношения в эргативной конструкции выражаются только в глаголе, а в убыхском, адыгейском и кабардино-черкесском языках — как в глаголе, так и в других классах слов (именах